

**You have downloaded a document from
RE-BUS
repository of the University of Silesia in Katowice**

Title: Izucenie metafory na zaniach po kognitivnomu azykoznaniu

Author: Malgorzata Borek

Citation style: Borek Malgorzata. (2008). Izucenie metafory na zaniach po kognitivnomu azykoznaniu. W: "Russkij azyk v pol'skoj auditorii. T. 2" (S. 152-160). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego

Uznanie autorstwa - Uzycie niekomercyjne - Bez utworów zależnych Polska - Licencja ta zezwala na rozpowszechnianie, przedstawianie i wykonywanie utworu jedynie w celach niekomercyjnych oraz pod warunkiem zachowania go w oryginalnej postaci (nie tworzenia utworów zależnych).

UNIWERSYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Малгожата Борек

Катовице

Изучение метафоры на занятиях по когнитивному языкознанию

Одно из достоинств метафоры заключается в том, что она делает наглядной невидимую картину мира. Метафора приводит во взаимодействие и познавательные процессы, и эмпирический опыт, и культурное достояние какого-то коллектива¹. Поэтому, несомненно, стоит уделять должное внимание изучению метафоры в польской аудитории, например на занятиях по когнитивному языкознанию. Студенты должны иметь возможность познакомиться с разными теориями метафоры: субституциональной, сравнительной и интеракциональной.

М. Блэк обращает внимание на факт, что когда мы говорим о метафоре, мы приводим в качестве примера простые предложения или словосочетания, в которых некоторые слова употребляются метафорически, а остальные – в своем обычном, буквальном значении. Например в предложении *Председатель собрания продирался через дискуссию* только глагол *продирался* используется метафорически, остальные слова используются в буквальном смысле. Слово *продираться* Блэк называет фокусом метафоры, а его окружение – рамкой². Интересно в языке то, что одна рамка порождает метафору, а другая рамка для того же слова не порождает метафоры, например в предложении *Он продирался сквозь заросли*. Как видно, метафорическое выражение является субститутом некоторого другого –

---

¹ Б.А. Серебренников: *Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира*. В: *Роль человеческого фактора в языке*. Ред. Б.А. Серебренников. Москва 1988, с. 180.

² М. Блэк: *Метафора*. В: *Теория метафоры*. Ред. Н.Д. Арутюнова. Москва 1990, с. 156.

буквального выражения. Тот, кто слышит такое метафорическое выражение, легко догадывается, что имел в виду говорящий. Такую теорию, согласно которой метафорическое выражение всегда употребляется вместо некоторого эквивалентного ему буквального выражения, вслед за М. Блэком, мы будем называть субституциональной теорией метафоры³.

По мнению Аристотеля, метафора связана с познавательной деятельностью человека прежде всего в отношении «подмечать сходство»⁴. Эти античные взгляды на метафору находят свое отражение в сравнительной теории, согласно которой в основе метафоры лежит демонстрация сходства или аналогии. Метафора рассматривается здесь как эллиптическое или сжатое сравнение, например метафоры *Мария – сокровище. Дом – это пристань* надо понимать как *Мария похожа на сокровище. Дом похож на пристань*. Сравнительная теория метафоры считается разновидностью субституциональной концепции в связи с тем, что метафорическое выражение может быть заменено эквивалентным ему сравнением. Разница заключается в том, что при сравнительной теории требуется более детальная перифраза, так как утверждение касается двух сравниваемых друг с другом объектов⁵.

Третий подход – это интеракциональная точка зрения на метафору. Интеракциональная теория метафоры связана со способностью человека думать о двух различных вещах таким образом, что «эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного-единственного слова или выражения, чье значение как раз и есть результат этого взаимодействия»⁶. Если рассматриваем метафору *Человек – это волк*, от слушателя требуется, чтобы он знал стандартное словарное значение слова *волк* и был способен употребить это слово в буквальном значении. Когда мы произносим слово *волк*, обычно имеем в виду свирепое животное, опасное для окружения. Таким образом, если *человек – это волк*, он тоже опасен и может охотиться на других живых существ. Самым важным моментом в интеракциональной теории метафоры кажется то, что слушатель должен знать систему общепринятых ассоциаций. Только тогда возможно порождение новых суждений о главном субъекте – в этом случае человеке – и образование пусть даже необычных сочетаний смыслов. Одновременно М. Блэк обращает внимание на то, что назвать человека волком – значит увидеть его в особом свете, и наоборот – можем посмотреть другими глазами и на волка и увидеть в нем что-то „человеческое”. Конечно, метафора *Человек – это волк*

³ Там же, с. 158.

⁴ Б.А. Серебrenников: *Метафоризация и ее роль...*, с. 183.

⁵ М. Блэк: *Метафора...*, с. 161–162.

⁶ Там же, с. 162.

приобретает совсем другой смысл, если произносит ее любитель волков или, допустим, кто-то живущий в культуре, где верят, что в волков вселяются души умерших. Это свидетельствует о том, что «эффект метафорического использования слова *волк* применительно к человеку состоит в актуализации соответствующей системы общепринятых ассоциаций»⁷. Механизм метафоры «взаимодействия» заключается в использовании говорящим и слушателем вспомогательного субъекта, а это уже особая интеллектуальная операция, которая требует одновременного наличия в сознании представлений об обоих субъектах и не сводится к простому их сравнению⁸.

Формальной версией интеракционной теории метафоры называет свою теорию Эрл МакКормак. По его мнению, «метафора есть результат когнитивного процесса, который сопоставляет два (или более) референта, обычно не связываемых, что ведет к семантической концептуальной аномалии, симптомом которой обычно является определенное эмоциональное напряжение»⁹. МакКормак предлагает междисциплинарные исследования метафоры. Он пытается использовать психологические и лингвистические данные для обоснования философских аргументов в пользу рассмотрения метафоры как когнитивного процесса. Наглядным свидетельством успешности интеракционного подхода к метафоре может служить компьютерная метафора, воплощенная в утверждении *Человек – это компьютер*. Ученые, усвоившие метафорическое представление о том, что компьютеры занимаются умственной деятельностью, похожей на человеческую, создали новую дисциплину, занимающуюся искусственным интеллектом. Когда мы употребляем метафору *машины думают*, то не только машины получают атрибуты существ, которые способны думать, но и человек получает атрибуты вычислительной машины: начинаем говорить о нейронных состояниях мозга, о моментальных процессах мышления, как будто они были алгоритмичными¹⁰. Таким образом, разум человека начинает описываться в терминах компьютерных свойств. Базисная метафора *Человек – это компьютер* порождает следующие метафоры:

Аналитическая машина в Настиной голове работала без остановки.

(А. Маринина)

---

⁷ Там же, с. 164.

⁸ Там же, с. 168.

⁹ Э. МакКормак: *Когнитивная теория метафоры*. В: *Теория метафоры...*, с. 363.

¹⁰ Там же, с. 367.

Мозг его получил толчок и начал ставить перед мальчиком новые вопросы.

(А. Маринина)

Coś musiało w małym mózgu zaskoczyć, jakiś trybik (...).

(„Wysokie Obcasy” 1999, 4)

Podsunał odpowiedź mój mózg. Ten księgowy, który nigdy się nie mylił.

(М. Nurowska)

Кроме разных теорий метафоры, студенты знакомятся с работой Дж. Лакоффа и М. Джонсона *Метафоры, которыми мы живем*. Рассматриваемые выше метафоры, в которых одно понятие структурно метафорически упорядочивается в терминах другого, авторы книги называют структурными метафорами¹¹. По мнению Лакоффа и Джонсона, существенными в нашей повседневной жизни являются ориентационные метафоры, онтологические метафоры и метафоры вместилища.

Ориентационные метафоры придают некоторым понятиям пространственную ориентацию типа «верх – низ», «внутри – снаружи», «передняя сторона – задняя сторона», «глубокий – мелкий» и другие¹². В схему метафоры *Счастье – верх, Несчастье – низ* вписывается пример:

Он почувствовал себя сброшенным с высоты счастья, спокойствия, достоинства в бездну отчаяния, злобы, унижения.

(Л. Толстой)

Онтологические метафоры заключаются в трактовке разных событий, действий, эмоций и идей как конкретных предметов и вещей¹³, например:

У него этот страх с предвоенных годов засел, а у Рогинского, молодого человека, откуда?

(Д. Гранин)

Настроение у Веры испортилось наконец.

(В. Орлов)

Третий тип метафор это такие, в которых разные объекты трактуются как вместилища, например человек рассматривается как вместилище,

---

¹¹ Дж. Лакофф, М. Джонсон: *Метафоры, которыми мы живем*. В: Н.Д. Арутюнова: *Теория метафоры*. Москва 1990, с. 396, а также G. Lakoff, M. Johnson: *Metaphory w naszym życiu*. Warszawa 1988, s. 36.

¹² Дж. Лакофф, М. Джонсон: *Метафоры, которыми мы живём...*, с. 396.

¹³ Там же, с. 408.

обладающее внутренним пространством и отделенное от внешнего мира поверхностью своей кожи¹⁴. Вместилищем может быть весь человек или только его сердце /душа:

Однако злость теперь словно бы ушла из Данилова.

(В. Орлов)

Она чувствовала, как её сердце при этой мысли наполнялось волнением и преступной радостью.

(Л. Толстой)

Интересным является анализ русских метафор в сопоставлении с польским языком. Русский и польский языки принадлежат к славянским, в связи с чем многие метафоры в этих языках либо совпадают, либо очень похожи друг на друга, но можно обнаружить также существенные различия.

В метафорах, выражающих чувства и эмоции, используются русские и польские глаголы с похожей семантикой: *охватывать, нападать, поддаваться, прихлынуть, расти, вырвать, болеть, расправлять /ogarniać, napadać, poddawać się, napływać, rosnąć, wyrwać, jątrzyć*:

И опять тоска, безысходная, свинцовая, прихлынула к ней.

(В. Орлов)

Znów napłynął do jej serca ciężki, ołowiany smutek.

(W. Orłow)

Тоска одиночества росла в нём.

(Д. Гранин)

Smutek osamotnienia rósł w nim coraz bardziej.

(D. Granin)

Универсальными являются «вместилища эмоций» – *душа, сердце*, причем надо заметить, что компонент *душа* чаще используется в русском языке, чем в польском, где часто при переводе его заменяет компонент *сердце*:

Звуки Альбани опять возникли в его душе.

(В. Орлов)

Dźwięki altówki znowu zabrzmiały w jego sercu.

(W. Orłow)

Некоторые русские метафоры с компонентом *душа* трудно перевести на польский язык, например:

¹⁴ Там же, с. 412.

Метель была красивая, редкая, останкинские дети лишь в книгах читали о такой. Но в душу Михаила Никифоровича она принесла хандру.

(В. Орлов)

В польском языке употребляется только метафора *chandra ogarnia kogoś*, нельзя построить метафору *zamieć przyniosła do czyjejś duszy chandrę*.

Время от времени в похожих друг на друга метафорах появляются разные предлоги с пространственным значением:

Он стал переезжать с антрепренёрами из города в город, под вечным страхом.

(А. Чехов)

Zaczął jeździć po różnych miastach razem z trupą, w ciągłym strachu.

(А. Czechow)

Один Лосев, и тот случайно знал, какие под его словами покоятся давно затонувшие печали.

(Д. Гранин)

Jeden Łosiew, i to przypadkowo, wiedział, ile dawno pogrzebanego smutku kryje się za tymi słowami.

(D. Granin)

В русском языке два раза используется предлог *под*, которому в польском языке соответствует предлог *в* (*переезжать под вечным страхом* / *jeździć w ciągłym strachu*) и предлог *за* (*печали покоятся под словами* / *smutek kryje się za słowami*).

Иногда к хозяйке приходил ночевать любовник, пьяный мужик (...) наводивший на детей и на Дарюшку ужас.

Czasami do gospodyni przychodził nocować kochanek, pijany chłop, który budził przerażenie w Dariuszce oraz w dzieciach.

(А. Czechow)

Как видно, некоторые чувства, например ужас, в русском языке получают вертикальную ориентацию, в польском – горизонтальную.

В связи с принадлежностью русского языка к языкам типа *esse*, при выражении чувств встречаются конструкции *у меня страх*, *у нее тоска*, которые обычно переводятся на польский язык с помощью сочетаний *odczuwać strach*, *odczuwać smutek* или с помощью глаголов *bać się*, *smucić się*, например:

*Страха у меня нет. Я весь страх свой на войне оставил.
Wcale się nie boję. Cały swój strach zostawiłem na wojnie.*

(D. Granin)

В рассматриваемом примере эквивалентом русской конструкции *Страха у меня нет* является польская конструкция *Wcale się nie boję*. Но именно русская конструкция объясняет происхождение метафоры *оставить страх на войне*, где страх указан как предмет, который человек приобретает, но старается где-то его оставить, так как он ему не нужен. Кроме того, в русском языке активными являются метафоры с лексемами *страх, испуг, ужас* во множественном числе:

*Он смеялся над своими страхами, но смех получался нервный,
а страхи не проходили.*

(В. Орлов)

*Да, боли минутной давности забылись, но испуги нет, они не про-
пали.*

(В. Орлов)

Ему, бывалому-то мужчине, мерещились ужасы.

(В. Орлов)

В польском языке слово *strach* во множ. числе выступает только во фразеологизме *strachu na lachy*, что обозначает *нечего бояться*.

Внимания заслуживают конструкции со словами категории состояния, которые в русском языке считаются основным средством передачи психического состояния: *Мне страшно. Нам грустно. Ей стало совестно*. Не все русские предикативы на *-о* имеют свои эквиваленты в польском языке, например *тревожно, боязно, совестно, досадно* и другие, в связи с чем русским конструкциям соответствуют часто в польском языке предложения, которые содержат метафору, например: *Мне стало тревожно. / Zaczęła ogarniać mnie trwoga. Видно было, что ему совестно. / Widać było, że tęczy go sumienie.*

Кроме того, в русском языке существуют нетипичные для польского языка предложно-падежные модели, с помощью которых передается ситуация, которую можно определить как «погруженность в состояние» или «поглощенность состоянием»¹⁵: *Она в тревоге. Он в волнении. Мы пришли в ужас.*

¹⁵ С.Н. Цейтлин: *Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика*. В: *Синтаксис и стилистика*. Ред. Г.А. Золотова. Москва 1976, с. 178.

При переводе этих конструкций на польский язык часто используются метафоры с компонентом *być pogrążonym*, например: *Wera была в отчаянии*. / *Wiera była pogrążona w rozpacz*.

Оказывается, что проблема метафоры теснейшим образом связана с проблемой языковой картины мира как одним из способов ее создания, причем надо помнить о том, что языковая картина мира служит прежде всего целям выражения концептуальной картины. Многие исследователи подчеркивают сегодня, что языковая картина мира – это не зеркальное отображение мира и не «открытое окно» в мир, а – согласно названию – *к а р т и н а*, т.е. интерпретация, акт миропонимания, она зависит прежде всего от призмы, через которую человек воспринимает окружающий его мир¹⁶. Роль такой призмы успешно может выполнять метафора, которая способна обеспечить рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное, зафиксированное в виде значения какой-то другой языковой единицы.

Итак, с помощью метафоры создается особая языковая картина обозначаемого. Эта картина особенно живописна и национально-колоритна, когда на основе метафоры формируются фразеологизмы-идиомы. «Метафора – это наиболее продуктивное средство приспособления языка к постоянно видоизменяющемуся отображению мира и миропониманию»¹⁷.

Сравнительный анализ избранных метафор в русском и польском языках свидетельствует о том, что свойственный данному языку способ концептуализации мира, в том числе внутреннего мира человека, отчасти универсален, отчасти национально специфичен.

По словам В. Гумбольдта, «картина мира – это особый круг миропонимания, выйти из которого можно, только войдя в новый круг»¹⁸. Поэтому, по моему мнению, на занятиях по когнитивному языкознанию нужно проводить сравнительный анализ метафор в разных языках, чтобы показать студентам, что стоит выйти за пределы родного языка и посмотреть на мир через призму другого народа.

---

¹⁶ Б.А. Серебрянников: *Метафоризация и ее роль...*, с. 179.

¹⁷ Там же, с. 190.

¹⁸ В.И. Постовалова: *Картина мира в жизнедеятельности человека*. В: *Роль человеческого фактора в языке...*, с. 29.

Małgorzata Borek

Problem metafory na zajęciach z językoznawstwa kognitywnego

Streszczenie

Językoznawstwo kognitywne jest stosunkowo młodym przedmiotem, wprowadzonym do siatki studiów na kierunku filologia rosyjska. Jako jeden z kluczowych tematów omawianych w ramach tego przedmiotu autorka proponuje problem metafory. W artykule zostały zaprezentowane poglądy filozofów i językoznawców, których nazwiska są ściśle związane z badaniami nad metaforą: M. Blacka, E. MacCormaca, W. Humboldta, G. Lakoffa i M. Johnsona, B. Serebrennikowa. Przypomniana została substytucjonalna, porównawcza oraz interakcjonalna teoria metafory. W ślad za G. Lakoffem i M. Johnsonem omówiono najbardziej rozpowszechnione typy metafor: orientacyjne, ontologiczne oraz metafory pojemnika.

Ważne, zdaniem autorki, jest omówienie metafory jako jednego z niezwykle istotnych sposobów tworzenia językowego obrazu świata. Analiza konfrontatywna metafor w języku rosyjskim i polskim dowodzi, że charakterystyczny dla danego języka sposób konceptualizacji świata, w tym również wewnętrznego świata człowieka, jest częściowo uniwersalny, a częściowo narodowo specyficzny.

Małgorzata Borek

The problem of metaphor in cognitive linguistic classes

Summary

Cognitive linguistics is a relatively new subject, introduced into the programme of the Russian philology studies. Therefore, as one of the key issues discussed within the subject, the author of the article proposes the problem of metaphor. The article presents the opinions of philosophers and linguists whose names are tightly connected with the names of the researchers dealing with metaphor, i.e. M. Black, E. MacCormac, W. Humboldt, G. Lakoff, M. Johnson, and B. Serebrennikow. The substitutional, comparative and interactional theory of metaphor are revisited. Following G. Lakoff and M. Johnson, the most common types of metaphor: orientative, ontologic, and metaphors of a container are elaborated on.

The important thing, according to the author, is a perception of the metaphor as one of the extremely vital means of creating a linguistic image of the world. The confrontation analysis of metaphors in Russian and Polish makes it clear that the way of conceptualizing the world, including the internal human world, typical of a given language, is partially universal and partially nation-specific.